

П. В. Ильин

Новое о декабристах

Прощенные, оправданные и необнаруженные
следствием участники тайных обществ
и военных выступлений 1825–1826 гг.

Издательство
«Нестор-История»
СПБИН РАН

Санкт-Петербург
2004

УДК 947.073.1
ББК 63.3 (2) 47

*Под редакцией доктора исторических наук,
профессора А.В. Гоголевского*

Р е ц е н з е н т ы

доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ *А.Н. Цамутали*
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)
доктор исторических наук, профессор *В.С. Парсамов*
(Саратовский государственный университет)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 03-01-00284д*

Ильин П.В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2004. — 664 с.

ISBN 5-98187-034-6

В монографии исследуются особенности и результаты официального следствия по делу тайных обществ и заговора декабристов. Впервые, помимо традиционно изучаемых 120 осужденных Верховным уголовным судом, специальное внимание уделяется ряду других категорий участников тайных обществ, привлеченных к процессу — помилованных, оставленных «без внимания», оправданных следствием. Освещается ход и итоги расследования в отношении каждой категории, выявляются причины, благодаря которым были прощены, оправданы и избежали наказания деятели декабристской конспирации, реконструируются основные методы и приемы защиты подследственных.

Автор анализирует источники, содержащие сведения о лицах, не привлекавшихся к процессу и оставшихся для следствия неизвестными в качестве участников тайных обществ и заговора 1825 г. На основе критики исторических свидетельств в научный оборот вводятся имена ранее неизвестных и предполагаемых деятелей декабристской конспирации, не затронутых официальным расследованием. В приложении публикуется обобщенный справочный указатель всех известных в настоящее время членов декабристских тайных обществ, участников заговора и военных выступлений 1825–1826 гг.

Для историков, правоведов, широкого круга читателей, интересующихся проблемами русской истории и культуры.

© Ильин П.В., 2004

© «Нестор-История», 2004

ISBN 5-98187-034-6

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 7

ГЛАВА 1. «Простить... заблуждения прошедшие»

Участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг., освобожденные от наказания 18

Декабристы, освобожденные от наказания, как
исследовательская проблема 18

Прощение и освобождение от наказания: официальный
контекст 24

Разновидности аболиции на следственном процессе:
«высочайшее прощение», освобождение от следствия,
освобождение в результате расследования, заочное
расследование и освобождение от наказания 34

Содержание под арестом и другие формы привлечения
к следствию. Оформление акта освобождения от
наказания 37

Ход и результаты расследования в отношении
различных категорий освобожденных от наказания 45

Выявленный «состав преступления» и реконструкция
причин освобождения от наказания 109

ГЛАВА 2. «Не считать... прикосновенным»

Участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг., оправданные на следственном процессе 153

Вопрос о декабристах, оправданных на следствии,
в историографии 153

Особенности следственных показаний как исторического
источника. Вопрос о тактике защиты привлеченных
к следствию 162

Вопрос о степенях членства и проблема «периферии»
тайных обществ. Случай А.С. Грибоедова 198

Особенности ареста и заключения в ходе следственного
процесса 213

Ход и результаты расследования в отношении лиц,
признанных невиновными 214

Характер выдвинутого обвинения и реконструкция причин оправдательных решений	329
ГЛАВА 3. «Неизвестные декабристы»	
<i>Участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг., не привлекавшиеся к следствию</i>	376
Итоги декабристоведческих разысканий: особенности изучения группы непривлекавшихся к следствию и оставшихся неизвестными участников движения	376
Критерии установления принадлежности к категории «неизвестных» декабристов. Систематизация свидетельств о лицах, не привлекавшихся к следствию	386
Неизвестные члены тайных обществ, не привлекавшиеся к следствию	392
Неизвестные участники военных выступлений декабристов	434
ГЛАВА 4. «Предполагаемые декабристы»	
<i>Критика документальных свидетельств о возможных участниках тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг.</i>	480
Проблема вероятных участников декабристского движения. Особенности и систематизация документальных свидетельств	480
Указания о возможном членстве в тайных обществах в источниках, синхронных эпохе	493
Указания о возможном членстве в тайных обществах в ретроспективных источниках	531
Указания о предположительном участии в военных выступлениях 1825–1826 гг.	554
Заключение	573
<i>Приложение 1. Участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. (основные категории)</i>	582
<i>Приложение 2. Справочный указатель участников конспиративных объединений, заговора и военных выступлений декабристов (1814–1826 гг.)</i>	590
Список сокращений	644
Указатель имен	645

*Моим родителям
Тамаре Андреевне
и Владимиру Павловичу*

ВВЕДЕНИЕ

«Повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна», — так выразил свое отношение к итогам главного судебнo-следственного процесса по делу декабристов А.С. Пушкин в письме к П.А. Вяземскому от 14 августа 1826 г.¹ Эта пушкинская формула и внимание, проявленное поэтом к осужденным, стали главенствующим принципом для будущих историков, способствуя формированию устойчивого взгляда на судебнo-следственный процесс по делу о тайных обществах и, в значительной мере, на историю «движения декабристов» в целом.

Для многих поколений исследователей и в массовом историческом сознании декабристы — это, прежде всего и главным образом, 120 осужденных по приговору Верховного уголовного суда. На них в основном сосредоточено внимание авторов и читателей, им посвящены сотни и тысячи вышедших в свет за почти 150 лет многочисленных и разнообразных публикаций и исторических работ различного характера. Этот традиционно обостренный интерес к осужденным в сознании читателя так или иначе связывается с политическим радикализмом «наиболее виновных»: планами цареубийства и мятежа, которые были вменены в вину большинству из тех, кто был предан Верховному уголовному суду.

Однако существовали и другие, столь же многочисленные категории участников тайных обществ, оказавшиеся на периферии исследовательской традиции. Значительная часть членов тайных обществ была освобождена от судебной ответственности и подверглась административному (несудебному) наказанию. Другие бывшие участники конспиративных обществ избежали наказания, хотя в той или иной форме привлекались к расследованию (прощенные императором, освобожденные от наказания в ходе следствия, выявленные на процессе, но не привлеченные к нему, — фактически тоже прощенные). Особую категорию составляют те, кто сумел оправдаться на следствии, пред-

ставив факты и обстоятельства таким образом, что обвинение в принадлежности к тайному обществу было снято. Наконец, многие участники тайных обществ остались неизвестными правительству.

В настоящей работе судебно-следственный процесс 1825–1826 гг. рассматривается в контексте исследования персонального состава тайных обществ декабристского ряда, для решения задач максимально полного выявления их участников. Первоначально поставленная цель — выявление наиболее полного перечня участников тайных обществ — в силу источниковедческих особенностей рассматриваемой проблемы (основным источником сведений о составе тайных обществ являются следственные материалы) привела к выдвигению на первый план задач выявления и внутренней систематизации определенных категорий членов декабристских обществ, на основе рассмотрения особенностей судебно-следственного процесса. Благодаря тому, что последующая «историографическая судьба» каждой группы участников тайных обществ во многом зависела от «вердикта» следствия и суда, возникла необходимость обращения к изучению характера и особенностей следственного процесса по делам о «злоумышленных тайных обществах» 1825–1826 гг.

Персональный состав тайных обществ вызывает несомненный научный интерес. Облик такого сложного общественного явления, как конспиративные объединения декабристов, преследовавшие политические цели, не в последнюю очередь зависит от представлений о каждом из его участников. Личность тех, кто составил это «движение», их индивидуальные черты, образ мысли, взгляды, конкретные обстоятельства биографии — одно из важнейших направлений декабристоведческих изысканий. Биографические исследования, как правило, опираются на некоторые уже установленные научные факты, среди которых определяющим является выявленный факт членства в тайных обществах, поскольку именно он является главным основанием для отнесения того или иного лица к числу декабристов².

В настоящее время особое значение этому направлению исследования придает новый контекст изучения, освобожденный от прежнего идеологического диктата. Теперь историк не скован необходимостью видеть в декабристах исключительно сторонников радикальных политических идей и «революционных» способов действия и в соответствии с этим осуществлять нередко искусственную радикализацию программных и организационно-тактических принципов тайных обществ на

всем протяжении их существования. Преодолев идеологические ограничения и порожденные ими критерии принадлежности к декабристам, в значительной мере деформировавшие содержание этого термина, современный исследователь стоит перед необходимостью пересмотра основополагающих фактов и обстоятельств, связанных с идеологией и политической деятельностью конспиративных объединений декабристского ряда. Важной частью этого пересмотра являются как теоретические, так и конкретно-исторические аспекты научной реконструкции состава участников «декабристского движения».

Персональный состав тайных обществ, выявленный в наиболее полной мере, способствует формированию адекватного и объективного представления о декабристах. Реконструкция персонального состава позволяет установить, с одной стороны, обоснованные внешние границы и, с другой стороны, внутреннюю структуру «декабризма» как конкретно-исторического явления. Она способна выявить различного рода «пограничные случаи» участия в деятельности декабристских обществ, которые характеризуют эту внутреннюю структуру; создает возможность для нового, более адекватного и исторически обоснованного решения проблем декабристского «ядра» и «периферии», полноправного и «неполного» членства, разной степени причастности к деятельности тайного общества и заговору декабристов; позволит, очертив по формальным критериям круг «декабристов», приступить затем к систематическому изучению особенностей их взглядов и деятельности, к углубленной биографической разработке.

Изучение судебно-следственных процессов, на протяжении 1825–1826 гг. расследовавших дело о т. н. «злоумышленных» тайных обществах, по итогам которых выносились решения о наказании, долгое время не выходило за пределы комментирования публикуемых документов, анализа отдельных источников (в основном, показаний декабристов), утилитарного обращения к материалам следствия для нужд специальных исследований, посвященных мировоззрению и идеологии декабристов, и работ биографического характера. Исследователи декабристов не углублялись в выяснение причин тех или иных решений следствия, не касались особенностей ведения следствия в отношении различных групп подсудимых, взаимосвязи между выявленной «виновностью» и вынесенным наказанием; в тени оставались факторы, оказавшие влияние на итоговые решения. Достаточно отметить, что в известном биографическом труде М.В. Нечкиной

«Движение декабристов» (М., 1955) сюжетам, связанным с особенностями процесса и механизмом вынесения решений о наказании по итогам расследования, отведено лишь несколько строк. В книге отсутствует специальное рассмотрение хода следствия в отношении различных категорий подсудимых. В задачи масштабного исследования не входило и восстановление наиболее полного состава участников «движения декабристов»³. Обсуждение проблемы предъявленного обвинения и выявленной «виновности» на следствии по делу декабристов в основном свелось к частным вопросам: так, для оценки обвинения историк сосредоточил свое внимание на воспроизведении ошибочного мнения Н.П. Огарева об отсутствии «первых двух пунктов» «государственных преступлений» в уголовном законодательстве, современном процессу. Одновременно автор констатирует наличие большой группы декабристов, наказанных без суда либо вовсе не понесших наказания. В частности, таковых оказалось много среди бывших членов тайных обществ, переведенных на Кавказ⁴. Однако дальнейший анализ остался вне рамок исследования.

Более развернуто следственный процесс представлен в обобщающей работе В.А. Федорова «Декабристы и их время» (М., 1992), ставшей своеобразным итогом исследований советского периода, но и здесь речь идет главным образом о категории преданных суду. Этому же автору принадлежит монографический труд «Своей судьбой гордимся мы...» (М., 1988), целиком посвященный следствию и суду по делу декабристов. В нем подробно рассмотрены ход и особенности расследования, но главное внимание уделено категории осужденных членов тайных обществ, интересующие нас сюжеты затрагиваются лишь попутно. Специального рассмотрения проблемы лиц, освобожденных от наказания, в этом исследовании не содержится, приведены лишь общие подсчеты количества участников тайных обществ, вошедших в указанные категории. В контексте изучаемой проблемы вне поля зрения автора оказались лица, не привлекавшиеся к следствию, а также оставшиеся правительству неизвестными.

Историко-юридическая литература (Д.А. Червонецкий, М.Н. Гернет) также предметно не затрагивала вопросы о различных категориях обвиняемых и различных видах обвинений на следствии по делу декабристов. Декабристский процесс рассматривался в контексте истории преследования «государственных преступлений», исследователи-правоведы уделяли основное место обвинению, предъявленному предан-

ным суду, а также ходу расследования их виновности⁵. Вопрос о других категориях подследственных рассматривался как побочный, незначительный или не рассматривался вовсе. Внимание историков судебно-следственных процессов было сосредоточено на обзоре хода следствия, группировке и источниковедческому анализу различных видов источникового материала, формулировании приемов их изучения⁶.

Специальная разработка вопросов организации, направленности, специфических особенностей расследования, выдвижения обвинения и других важнейших аспектов изучения процесса по делу о государственных преступлениях и отдельных процессов такого же характера, прошедших одновременно с главным («петербургским») следствием в 1825–1826 гг., насчитывает лишь несколько работ, вышедших в основном в последние годы. В последнее время обратили на себя внимание новаторские методологические и конкретно-исторические подступы к данной теме, попытки специального исследования документов следствия и выработки методики изучения следственной документации (отметим содержательные работы О.В. Эдельман об организации работы следствия, выполненные с применением количественных методов)⁷.

Недавно опубликованное исследование В.М. Боковой посвящено типологии и эволюции организационных принципов и внутренней структуры тайных обществ. В нем немалое место уделено различным аспектам изучения организационного устройства конспиративных объединений, практики вербовки на различных этапах их существования, персональному составу тайных обществ. Это исследование представляет собой удачный опыт развития концептуально нового взгляда на историю конспиративных объединений декабристского ряда. Оно показало необходимость и актуальность непосредственной разработки и полной реконструкции персонального состава тайных обществ, а также насущность выдвижения в качестве исследовательской задачи исторической критики материалов следственного процесса как важнейшего источника для подобной реконструкции⁸.

Оживление исследований в данной области означает, что эта проблематика, бывшая ранее окраинной для декабристоведения, постепенно выходит на передний план. Причина наметившейся тенденции кроется в нескольких основных моментах. Прежде всего, судебно-следственные процессы как самостоятельная исследовательская проблема приобретают все большую актуальность в контексте изучения

правовых основ преследования по обвинению в государственных преступлениях, эволюции механизма политических процессов в России. Во-вторых, сохраняет дискуссионность и научную значимость вопрос о конкретных особенностях процесса по делу декабристов. В-третьих, следственные материалы служат главным источником сведений о деятельности тайных обществ и отдельных их участников, которым располагает историк и которым он вынужден пользоваться, в силу чего особое значение приобретают вопросы их изучения и интерпретации. В-четвертых, реконструкция персонального состава в его наиболее полном виде, как уже отмечалось, способствует обогащению представлений об этом историческом явлении, более объективному его изучению.

Итак, персональный состав декабристских тайных обществ и, в частности, те категории декабристов, что избежали судебного преследования, не являлись до настоящего времени предметом специального изучения в рамках монографического исследования. Конкретные аспекты расследования по делу о тайных обществах, подвергнутые изучению в связи с данной проблемой, только затрагивались в обобщающих работах, литературе о следственном процессе и суде над членами тайных обществ и в биографических исследованиях⁹.

Таким образом, впервые в историографии предпринимается попытка провести специальное исследование, посвященное тем участникам тайных обществ, которые избежали суда и были прощены, освобождены или вовсе не привлекались к следствию. Особый интерес для автора представили те участники декабристских союзов, кто остался неизвестным следствию и власти, чья принадлежность к конспиративным объединениям декабристов вскрывается по другим источникам, главным образом — более поздним.

В настоящем исследовании «единицей учета» (или критерием определения участника декабристского движения) является *достоверное свидетельство о причастности к тайному обществу, принадлежащее осведомленному лицу — участнику тайного общества, заговора и восстаний декабристов, либо человеку, фиксирующему такого рода свидетельство.*

Для конкретизации проблематики исследования потребовалось обращение к вопросу об установленной следствием виновности, во взаимосвязи с вынесенным решением о наказании или освобождении от ответственности. Анализ ключевой для оценки репрессивной практи-

ки двухчастной системы «установленная виновность — назначенное наказание / освобождение от наказания» потребовал предметного исследования собранного в ходе процесса обвинительного материала по каждой рассматриваемой группе участников тайных обществ, обнаруженных следствием (освобожденных без наказания, не привлекавшихся к следствию). В случае лиц, не обнаруженных при расследовании, требовалось уяснить причины, почему это оказалось возможным, подвергнуть критическому анализу те указания документов, которые позволяют нам говорить об участии в тайных обществах того или иного лица.

При этом мы отказались от специального рассмотрения наиболее изученной категории членов тайных обществ — тех, кто был предан Верховному уголовному суду по результатам главного (Петербургского) процесса. Группа участников декабристских союзов, преданных суду, как уже отмечалось, пользуется преимущественным вниманием исторической традиции; большая часть сюжетов, связанных с осужденными декабристами, основательно изучена. Что же касается особенностей ведения следствия в отношении преданных суду, то этот аспект проблемы также пользовался значительно большим вниманием историков, нежели расследование степени причастности к тайным обществам освобожденных от наказания по итогам следствия. Наконец, нельзя не отметить, что сюжет о Верховном уголовном суде составляет предмет отдельного, специального исследования и находится вне рамок настоящей работы.

По этой же причине в предлагаемой работе в центр исследования поставлены другие группы участников декабристской конспирации: избежавших наказания, вообще не привлекавшихся к следствию, оставшихся неизвестными власти, а также случаи предположительно-го участия в декабристских тайных обществах, — все те, кто до настоящего времени оставался в тени исследовательского внимания.

Категория подследственных, понесших административное (несудебное) наказание — те, кто был наказан без суда по решению императора, — составляет предмет будущего исследования.

Проблема и цель настоящего исследования изложены выше. *Задачи*, которые необходимо решить в процессе работы при изучении каждой из обозначенных категорий участников тайных обществ, сводятся к следующему.

Во-первых, следует подробно рассмотреть особенности расследования в отношении каждой из указанных групп.

Во-вторых, необходимо осветить механизм принятия решений об освобождении от ответственности или оправдании.

В-третьих, следует выяснить степень адекватности вынесенных решений по отношению к установленной вине, уяснить факторы, влиявшие на эти решения.

В-четвертых, представляется важным показать степень воздействия «посторонних мотивов», не связанных с ходом расследования непосредственно, на решения о снятии вины и освобождении.

В-пятых, особую задачу составляет изучение тактики защиты обвиняемых на следственном процессе, основных приемов поведения в условиях процесса, которые, по-видимому, могли способствовать сокрытию тех или иных обстоятельств, вести к «ослаблению» вины подследственных и, соответственно, к снятию наказания.

Наконец, в-шестых, выявление непривлекавшихся к следствию декабристов, оставшихся неизвестными власти, а также предполагаемых участников движения, критика указаний источников, содержащих сведения о принадлежности к декабристской конспирации, — являются еще одной задачей исследования.

Перечисленные задачи представляют особое значение для полной научной реконструкции персонального состава участников «декабристского движения».

Источниками для данной работы послужили несколько видов документального материала. Основной комплекс источников для изучения следствия, как, впрочем, и для изучения персонального состава тайных обществ — материалы судебно-следственного процесса по делу о «злоумышленных» тайных обществах 1825–1826 гг., прежде всего письменные показания подследственных, материалы очных ставок, записи допросов, журналы и докладные записки Следственного комитета, выписки из следственных дел, справки о подследственных, итоговые «записки» с обобщением установленной виновности и т. д. Эти материалы в значительной степени доступны исследователю, они введены в научный оборот в рамках документальной серии «Восстание декабристов» на протяжении 1925–2001 гг.

Вместе с тем значительная часть документов фонда следствия и суда (Ф. 48. ГАРФ) не издана; часть этого материала недостаточно введена в оборот и мало использовалась историками декабристов, многие документы вообще не привлекали их внимания. Некоторые из этих архивных материалов были нами обследованы.

Итоговый документ расследования — «Донесение Следственной комиссии», составленное Д.Н. Блудовым, — содержит важные для настоящей работы оценки и сведения, то же можно сказать о других документах, обобщающих результаты расследования. К материалам следствия примыкает написанный на основе результатов деятельности органов расследования т. н. «Алфавит членам бывших злоумышленных обществ», составленный делопроизводителем главного Следственного комитета А.Д. Боровковым, который сконцентрировал полученные сведения о подавляющем большинстве лиц, попавших в орбиту расследования 1825–1826 гг.

Большое значение в контексте заявленной проблемы приобретают различные официальные документы, связанные с судебно-следственным процессом: правительственные сообщения, описания заговора, высочайшие манифесты и указы, рескрипты, а также материалы служебной переписки.

Использованы, кроме того, другие виды синхронных эпохе источников. Это записки на высочайшее имя, поданные разными лицами, в том числе бывшими участниками тайных обществ, в связи с процессом по делу о тайных обществах, доносы на членов тайных обществ, документы III Отделения, связанные с доносами, а также материалы подписки о непринадлежности к тайным обществам, проведенной по инициативе Николая I весной-летом 1826 г.

Еще одна важная группа источников — письменное наследие участников тайных обществ, современное их политической деятельности: сочинения, записные книжки, дневники, эпистолярные материалы.

Для реконструкции персонального состава тайных обществ немаловажное значение имеет позднейшее письменное наследие декабристов — историко-публицистические сочинения и мемуары. К числу ценных ретроспективных материалов, безусловно, относятся и свидетельства осведомленных современников событий, позднейшие мемуарные указания, основанные на рассказах участников тайных обществ, лиц из их окружения, очевидцев эпохи.

Историческая критика отдельных источников, характеристика и оценка достоверности информации, содержащейся в конкретных документальных свидетельствах, прежде всего в документах следствия и в мемуаристике, дана в тексте работы.

Структура исследования сложилась в соответствии с концептуальным замыслом автора. Она основывается на классификации участни-

ков тайных обществ в зависимости от степени привлечения их к судебно-следственным процессам 1825–1826 гг. и характера последующего решения их участи. Книга состоит из четырех разделов, каждый из которых отведен отдельной группе участников тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг., избежавших наказания.

Первая глава «*Простить... заблуждения прошедшие*» посвящена участникам тайных обществ, виновность которых была в ходе процесса полностью установлена: прощенным императором, освобожденным во время и по итогам следствия, а также тем, кто был выявлен следствием, но не привлекался к нему (заочное расследование).

Вторая глава «*Не считать прикосновенным...*» представляет собой первый в историографии опыт критического изучения материалов следствия, с целью выявления членов декабристских тайных обществ, сумевших оправдаться на следствии.

В третьей главе «*Неизвестные декабристы*» предметом внимания стали лица, оставшиеся вовсе неизвестными следствию, — в том числе те, показания о причастности которых к тайным обществам на следствии были оставлены без внимания.

Четвертая глава исследования «*Предполагаемые декабристы*» отведена возможным участникам тайных обществ и выступлений 1825–1826 гг., свидетельства документов о принадлежности которых к декабристам нуждаются в дополнительном изучении.

В *приложении* помещен указатель всех выявленных к настоящему времени участников декабристских тайных обществ, заговора 1825 г. и открытых военных выступлений, составленный на основе свидетельств первоисточников (подробнее об этом говорится в сопроводительной статье к указателю). Публикуемый указатель представляет собой наиболее полный свод деятелей «декабристского движения». Здесь же помещены перечни всех известных участников тайных обществ, распределенных по категориям в зависимости от особенностей и форм привлечения к следственному процессу и характера итоговых решений.

Автор считает своим приятным долгом выразить живейшую благодарность исследователям, кто словом и пером помогал ему на протяжении всей работы над книгой, в особенности [В.А. Пушкиной], В.С. Парсамову, А.Н. Цамутали, С.В. Мироненко, В.М. Боковой, Н.В. Самовер, О.В. Эдельман, А.В. Семеновой, М.А. Рахматуллину, О.И. Киянской, А.А. Кононову, А.Б. Шешину, С.Е. Эрлиху, П.И. Макарю.

Примечания

- ¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 13. Переписка 1815–1827 гг. М.; Л., 1937. С. 291. Очевидная неточность содержательной стороны фразы Пушкина (не все из осужденных наказывались каторжными работами, многим был вынесен иной приговор: ссылка на поселение в Сибирь, разжалование в солдаты; кроме того, казнены пятеро наиболее виновных из числа 120 осужденных), без сомнения, имела своей причиной эмоциональное состояние поэта, писавшего спустя месяц после объявления приговора.
- ² Принадлежность к декабристам определяется, по нашему мнению, участием в преимущественно сменявших друг друга тайных обществах, имевших политические цели и инициировавших выступления декабря 1825 г., а также участием в заговоре и военных выступлениях, организованных членами этих тайных обществ (Пушкина В.А., Ильин П.В. Персональный состав декабристских тайных обществ. Справочный указатель // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 2. С. 14).
- ³ М.В. Нечкина писала: «В нашу задачу не входит установление точного персонального списка (членов тайных обществ. — П.И.), что потребовало слишком бы много места» (Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 223).
- ⁴ См.: Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 2. С. 402–404, 448–449.
- ⁵ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 1. СПб., 1902; Червонецкий Д.А. Государственные преступления по русскому праву. Введение и глава 1-я. Юрьев, 1913; Гернет М.Н. Процесс декабристов и уголовная политика Николая I // Проблемы социалистического права. Сб. 4. М., 1938. С. 128–170; Солодкин И.И. Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в.). Л., 1961.
- ⁶ Миронова И.А. Судебно-следственные материалы 1-й половины XIX в. М., 1958; Сабенникова И.В. Документация политических процессов 1-й половины XIX в. как исторический источник // Комплексные методы в исторических исследованиях: Тез. докл. и сообщ. научного совещания. М., 1988. С. 195–196.
- ⁷ Эдельман О.В.: 1) Следственный комитет по делу декабристов: организация деятельности // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 2. СПб.; Кишинев, 2000. С. 209–238; 2) Квантитативный подход к изучению материалов следствия над декабристами // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 4. СПб.; Кишинев, 2001. С. 51–60; 3) Декабристы на допросах: опыт количественной характеристики // Там же. С. 333–362.
- ⁸ См.: Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003.
- ⁹ Историографические наблюдения и оценки в отношении важнейших исследований по рассматриваемым конкретным сюжетам даны в тексте книги и примечаниях.

ГЛАВА 1

«ПРОСТИТЬ... ЗАБЛУЖДЕНИЯ ПРОШЕДШИЕ»

*Участники тайных обществ и военных выступлений
1825–1826 гг., освобожденные от наказания*

Декабристы, освобожденные от наказания, как исследовательская проблема

Сохранилось не одно свидетельство о том, что некоторые из участников декабристских тайных обществ избежали наказания. Если оставить в стороне тех, кто не был обнаружен следствием или сумел оправдаться в ходе расследования¹, то в сфере исследовательского внимания остаются лица, «всемиловейше» прощенные императором, либо освобожденные от наказания в ходе и по итогам процесса.

«Прощение» («высочайшее прощение») — это освобождение от наказания или прекращение расследования по воле верховной власти, т. е. императора. Оно непосредственно связано с выявленной в ходе предварительного следствия виновностью; иначе говоря, для того чтобы прощать, нужно было установить «состав преступления», — что именно прощать. Следовательно, в число «прощенных» входят те, кто, несмотря на выявленную виновность по «делу декабристов», были освобождены от ответственности и не понесли наказания².

Обращение к материалам следствия показывает, что среди освобожденных в ходе расследования оказались лица, виновность которых не получила подтверждения. Это были арестованные по подозрению, по доносу (часто — ложному), привлеченные к следствию по ошибке, случайно попавшие в его орбиту, оговорившие себя и т. д. Освобожденные в силу доказанной невиновности, они, в своем большинстве, не имели прямого отношения к деятельности тайных обществ; в ходе допросов была установлена их полная непричастность к «делу». Пред-

мет настоящего раздела — лица, участие которых в тайном обществе, заговоре и военных выступлениях декабристов было обнаружено следствием. Речь идет о тех случаях, когда прощалась выявленная и доказанная «виновность», — как правило, с официальным признанием акта помилования и освобождения от наказания, после чего следовало освобождение из-под ареста.

Отметим, что в мемуарных источниках и исследовательской литературе можно встретить упоминания о «прощении» целого ряда лиц, получивших то или иное административное наказание (М.Ф. Орлов, И.Г. Бурцов, Н.Н. Депрерадович и др.). Фактически это те, кто спасся от судебного преследования по итогам процесса, от более серьезного наказания. Вынесенное им наказание было, очевидно, значительно смягчено по сравнению с установленной «виновностью», что можно рассматривать как своеобразный акт «частичного прощения». Однако в точном смысле слова их, конечно, считать «помилованными» нельзя. Оказанное им «снисхождение» касалось лишь степени наказания, которое было существенно облегчено.

Обращаясь к традиции освещения деятельности в декабристских обществах лиц категории «прощенных», приходится признать, что «декабристский статус» этой группы выглядит менее определенным и выраженным, чем в случае пострадавших по «делу». Прощеным декабристам, их участию в конспиративных обществах уделяется значительно меньше внимания в трудах историков. Не нашли более или менее подробного отражения в исторической литературе и особенно в официальном расследовании в отношении декабристов, освобожденных от наказания.

В этой связи следует обратиться к библиографическим указателям декабристоведческой литературы³, которые отражают и обобщают реальную практику включения того или иного лица в число декабристов, наблюдаемую в научной литературе. Выясняется, что среди прощенных или не привлекавшихся к процессу лиц к декабристам отнесены: все четыре раза — В.Д. Вольховский (несомненно, благодаря близости к А.С. Пушкину и своему участию в декабристских обществах после 1821 г.), основатель «Ордена русских рыцарей» М.А. Дмитриев-Мамонов, И.А. Долгоруков (вероятно, благодаря участию в Петербургском совещании руководителей Союза благоденствия 1820 г. и упоминанию в 10-й главе «Евгения Онегина» А.С. Пушкина); три раза — участники Союза спасения и Союза благоденствия

П.А. Катенин, П.П. Каверин и П.С. Пущин (прежде всего, благодаря литературному наследию и дружеским связям с Пушкиным), один из видных участников ранних тайных обществ Петр И. Колошин (вследствие активной роли в Союзе спасения и Союзе благоденствия), входивший в руководство Союза благоденствия художник Ф.П. Толстой, а также известные в истории русского общественного движения Г.А. Римский-Корсаков и П.Я. Чаадаев; два раза — С.Н. Бегичев, В.А. Глинка, С.В. Капнист, откровенный на следствии Н.И. Комаров, литератор С.Е. Раич, еще один участник совещаний руководства Союза благоденствия в 1820 г. И.П. Шипов, а из членов более поздних тайных обществ — прощенный после допроса с участием императора А.А. Суворов.

Наибольшее число новых признаний в «декабристском статусе» фиксируется в последнем по времени библиографическом справочнике 1994 г. В нем к числу декабристов впервые отнесены некоторые из членов Союза благоденствия, не привлекавшиеся к следствию: Ф.В. Акинфов, В.И. Белавин, М.А. Волков, П.П. Трубецкой, А.А. Челищев, А.В. Шереметев, С.П. Шипов и даже М.К. Грибовский, автор доноса на Союз благоденствия. Из числа участников более поздних обществ здесь впервые значатся в ранге декабристов Ф.В. Барыков и участник восстания 14 декабря, не понесший наказания, Н.А. Колончаков.

Обратная тенденция (сначала признание в ранге «декабриста», а затем лишение этого статуса) также имела место. Так, только в первых справочниках (1929 и 1960 гг.) в качестве декабристов признавались участники тайных обществ до 1821 г. Н.И. Кутузов, А.Я. Миркович, член Союза благоденствия и доносчик И.М. Юмин, член Северного общества, избежавший наказания, А.Ф. Моллер, а в последующих справочниках они уже были вынесены за пределы этой группы.

Ни разу не были отнесены к числу декабристов освобожденные без наказания бывшие участники тайных обществ, сделавшие значительную карьеру в следующее царствование: А.А. Кавелин, В.О. Гурко, братья В.А. и Л.А. Перовские, брат П.И. Пестеля В.И. Пестель, литератор одиозной репутации А.Ф. Воейков, некоторые другие бывшие члены Союза благоденствия (В.М. Бакунин, О.П. Богородицкий, Н.П. Годаин, А.А. Оленин, П.Н. Семенов, П.В. Хавский), а из участников событий 14 декабря — конноартиллеристы А.Г. Вилламов, А.И. Гагарин, К.Д. Лукин, офицер Гвардейского морского экипажа

Д.Н. Лермантов, прощенный на первом допросе императором С.Н. Жеребцов. Ни разу не был признан декабристом П.П. Лопухин, довольно влиятельная фигура в ранних тайных обществах.

Все эти наблюдения говорят об одном: статус группы прощенных участников тайных обществ остается в целом неопределенным. Зачастую их относят к «недекабристам», определяя как лиц, привлекавшихся к следствию по делу декабристов. Очевидным свидетельством неустойчивого и противоречивого положения этой группы участников декабристской конспирации является тот факт, что в рамках одного справочника их относят как к декабристам, так и к «недекабристам»⁴. Такова ситуация с В.Д. Вольховским, И.А. Долгоруковым, А.А. Суворовым, И.П. Шиповым. В справочнике 1929 г. одновременно и декабристами, и «недекабристами» обозначены М.А. Дмитриев-Мамонов, Н.И. Комаров, М.Н. Муравьев, ставший известным впоследствии как жестокий «усмиритель» восстания в Польше и Литовском крае. Следовательно, в их отношении у составителей указанных справочников имелись определенные сомнения. Ситуация принципиально не изменилась и к настоящему времени. В справочнике 1994 г. то же произошло с Ф.П. Толстым, статус которого остается противоречивым и не проясненным — декабрист он или нет? В этом же положении оказался участник Союза спасения Ф.М. Свободской.

В качестве причин, вследствие которых участники тайных обществ исключались из числа декабристов или вообще не могли претендовать на такой статус, выступали следующие факты и обстоятельства: ранний отход от тайного общества и неучастие в движении после 1821 г., дальнейшая благополучная карьера после 1826 г., противоречивость общественной репутации (наиболее показателен в этом отношении случай М.Н. Муравьева, который, за исключением справочника 1929 г., ни разу не был отнесен к разряду декабристов). Но, пожалуй, определяющим фактором, влиявшим на включение того или иного лица в число декабристов в исследовательской традиции, следует признать отсутствие наказания по итогам следственного процесса.

В исторической литературе нет специального исследования, посвященного вопросу о прощении привлеченных к следствию по «делу декабристов», в котором бы освещались степень виновности этих лиц и причины их освобождения от наказания. В работах о следствии и суде можно обнаружить только упоминания фактов прощения и освобождения без наказания некоторых декабристов. Так, в монографии-

ческом исследовании процесса декабристов, принадлежащем В.А. Федорову, констатируются факты освобождения от наказания некоторых подследственных — участников тайных обществ, однако данный круг сюжетов не вызвал у автора специального интереса⁵. Содержание книги оказалось сосредоточенным вокруг главной линии следствия и основной группы подследственных — наказанных по приговору суда. Факты прощения и освобождения от наказания не получили сколько-нибудь развернутого освещения. Лишь в последние годы истории стали уделять значительно больше внимания этим сюжетам⁶.

Литература собственно о прощенных декабристах немногочисленна; еще меньше исследований, которые бы затрагивали деятельность этих лиц как членов тайных обществ, освещали их привлечение к следствию по делу декабристов. Из числа тех, кому посвящены отдельные исследования, в первую очередь необходимо упомянуть Ф.П. Толстого⁷, Петра И. Колошина⁸ и М.Н. Муравьева, участие которого в декабристских союзах стало предметом внимания в биографических статьях декабриста А.Е. Розена, П.Е. Щеголева и давней биографии Д.А. Кропотова⁹. Достаточно большой интерес привлекла к себе фигура В.Д. Вольховского, декабристскому прошлому которого посвящены исследование В.С. Шадури, статьи Н.А. Гастфрейнда и Н.Е. Мясоедовой¹⁰. Участие П.Я. Чаадаева в тайных обществах декабристов рассматривали в своих работах Д.И. Шаховской и Ф.И. Берелевич¹¹. Хорошо известно исследование Ю.М. Лотмана о М.А. Дмитриеве-Мамонове, в котором подверглись анализу программные документы первой организации декабристского ряда «Орден русских рыцарей»¹². К числу содержательных работ о видном участнике движения тайных обществ, оставленном следствием «без внимания», без сомнения, относится исследование Ю.Г. Оксмана о П.А. Катенине¹³. Кроме того, имеются работы о таких избежавших наказания участниках Союза благоденствия, как В.А. Глинка¹⁴ и С.Н. Бегичев¹⁵. Можно отметить еще немаловажные публикации и исследования В.Г. Бортневского о П.С. Пушине¹⁶. Из приведенных выше данных нетрудно заметить, что причины обращения к биографическим исследованиям о малоизвестных членах тайных обществ в своей подавляющей части не были связаны с политической деятельностью этих лиц в декабристских союзах, а определялись, главным образом, их литературным и мемуарным наследием, либо их участием в культурной жизни современной им эпохи, последующей контрастной биографией и политическим обликом (М.Н. Муравьев).

На современном этапе изучения интерес к «уцелевшим декабристам» в значительной степени усилился в связи с публикацией следственных дел участников тайных обществ, не преданных суду¹⁷. Историки приступают к изучению особенностей расследования, проводившегося в отношении «малозамешанных» лиц, выяснению мотивов состоявшихся решений о «прощении» установленной вины, выявлению внутренней структуры группы освобожденных от наказания. В этом контексте стоит особо выделить сопроводительную статью и комментарии А.В. Семеновой к публикации следственных дел членов Союза благоденствия в недавно вышедшем XX томе документальной серии «Восстание декабристов». В последние годы участники тайных обществ, освобожденные от наказания, стали предметом изучения в работах, посвященных Н.И. Кутузову, А.В. Семенову, П.В. Хавскому, О.П. Богородицкому¹⁸.

Заявленное направление исследования позволяет прояснить несколько важных проблем в изучении истории декабристов. Во-первых, оно способствует дальнейшему анализу особенностей следственного процесса, квалификации «вины» различных категорий обвиняемых. Во-вторых, рассмотрение конкретных обстоятельств «высочайшего прощения», официально заявленных и действительных мотивов актов помилования, создает необходимую основу для оценки причин освобождения от наказания и влияния посторонних факторов на ход следствия. В-третьих, привлечение исследовательского внимания к «малоизвестным» участникам тайных обществ и военных выступлений декабристов, прощенным в ходе следствия, позволит осветить некоторые страницы в истории декабризма, ранее не привлекавшие внимания историков.

В рамках настоящей работы предпринята попытка заполнить лакуны в представлениях о группе прощенных и освобожденных от наказания, о расследовании, которое велось в их отношении в рамках следственного процесса. При этом мы стремились очертить границы и внутреннюю структуру группы, осветить степень виновности «прощенных декабристов», выявленную следствием, проанализировать причины помилования и освобождения от наказания, в том числе не вызванные внутренней логикой следствия.

Прощение и освобождение от наказания: официальный контекст

20 декабря 1825 г., спустя несколько дней после открытия заговора и начала следственного процесса, состоялась встреча Николая I с французским посланником П.-Л. Лаферронэ. В ходе беседы император остановился на том, каким он видит свою роль в определении наказаний по итогам судебно-следственного процесса: «Я начинаю царствовать под грустным предзнаменованием и со страшными обязанностями. Я сумею их исполнить. Проявлю милосердие, много милосердия, некоторые даже скажут — слишком много; но с вожаками и зачинщиками заговора будет поступлено без жалости, без пощады. Закон изречет кару, и не для них воспользуюсь я принадлежащим мне правом помилования...»¹⁹. Официальная позиция Николая I, сформулированная уже в первые дни следствия, звучала недвусмысленно: главные виновные понесут наказание без всякого снисхождения со стороны высшей власти, а участь тех, виновность которых незначительна или ослабляется смягчающими обстоятельствами, будет во многом зависеть от «милосердия» императора. Обращает на себя внимание то, что с первых же дней следственного процесса верховная власть заявила о готовности применить принадлежащее ей право помилования, однако это право предполагалось использовать только в отношении «малозамешанных» и заслуживающих прощения обвиняемых. Эта позиция «высшей власти» находит непосредственное подтверждение в официальных документах, относящихся к деятельности органов расследования.

Первоначальный проект указа об учреждении Следственного комитета, подготовленный 15 декабря 1825 г. (текст его приведен в «автобиографических записках» делопроизводителя Комитета А.Д. Боровкова), содержал в себе, наряду с программой розыскной деятельности, также формулировку тех принципов, которые должны были стать основой будущей практики помилования: «...принять деятельнейшие меры к изысканию соучастников сего гибельного общества, внимательно, со всею осторожностью рассмотреть и определить предмет намерений и действий каждого из них ко вреду государственного благосостояния; ибо, руководствуясь примером августейших предков наших, для сердца нашего приятнее десять виновных освободить, нежели одного невинного подвергнуть наказанию...»²⁰.

Из приведенного текста видно, что в самом начале процесса пред-

полагалось объявить, что, выясняя «меру вины» оказавшихся в его поле зрения лиц, следствие будет стремиться отделить серьезно виновных от «малозамешанных», от тех, на кого упало случайное подозрение. 16 декабря проект указа был поднесен на подписание императору председателем Следственного комитета А.И. Татищевым. Николай I, по словам Боровкова, прочитав цитированный пункт, обнял Татищева, сказав: «Ты проникнул в мою душу, полагаю, что многие впутались не по убеждению в пользу переворота, а по легкомыслию, так и надобно отделить тех и других»²¹. Хотя указ остался не обнародованным, но обозначенная в нем официальная позиция была закреплена в ходе процесса в последующих официальных документах, призванных осветить принципы и направленность работы следствия²². Отразившееся в словах императора противопоставление сознательно действовавших «зачинщиков», убежденных сторонников политического переворота, и тех, кто был вовлечен в тайное общество и заговор, стало одним из основополагающих принципов работы следствия.

Это же противопоставление обнаруживается в самом раннем из известных свидетельств о намерениях императора простить «заблудших», ввергнутых в «обман» главными заговорщиками. К.Ф. Толь, который проводил первые допросы арестованных, сохранил в своем «Журнале» упоминание о вопросе, с которым в ночь на 15 декабря обратился к нему Николай I (уже после того, как ему стали известны результаты первых допросов): «Молодежь эта не знает сама, что она хотела и как введена в преступление. Как ты думаешь, можно бы простить нижних чинов и сих несчастных молодых людей?»²³.

Как видим, основные очертания «пространства» предстоящих актов смягчения наказания и «высочайшего прощения» были в целом достаточно ясны: неучастие в заговоре, неосведомленность о его главной цели, «случайное» участие в открытом выступлении, молодость лет. Они представлялись уже сложившейся, готовой формой, опирающейся на традиции царского помилования. Новый император только не был до конца уверен, нужно ли это делать в сложившейся обстановке.

Толь, достаточно опытный в военно-судных делах и, несомненно, ориентировавшийся на поведенческие традиции «верноподданчества», вовсе не исключал последующего прощения некоторых из «вовлеченных» в восстание, но указывал на невозможность применения права помилования к большей части арестованных: «Главная часть, без сомнения, вовлечена в преступление... Простить их, госу-

дарь, имеете вы все время, они были только орудиями возмущения; через них надобно будет открыть настоящих и главных возбудителей сего возмущения, и потому, по мнению моему, не только захваченных офицеров, но и главных участников между нижними чинами, должно будет предать всей строгости законов без замедления»²⁴. В этом ответе, как представляется, слово «потому» следует интерпретировать в значении «исходя из этого», тогда становится более понятной последовательность мысли Толя. Логика его ответа состояла в том, что следует сначала обнаружить всех главных участников заговора и военного выступления, в том числе с помощью малозначительных и «замешанных» лиц, затем подтвердить малозначительность тех, кто был слабо «вовлечен» в заговор, и только после этого, на основании полученных данных, применять принадлежащее императору право помилования. Вместе с тем Толь напоминал императору, что в полном соответствии с существующими законами все действительные участники мятежей и волнений должны подвергнуться строгому наказанию, вплоть до смертной казни.

В манифесте от 19 декабря 1825 г. — первом правительственном документе, содержащем оценку событий 14 декабря и деятельности тайного общества в целом, — сообщалось, что в заговоре, имевшем целью «испровергнуть престол и отечественные законы», принимали участие «два рода людей»: к первому относились «злоумышленные... руководители», ко второму — лица, «умыслу непричастные», «заблудшие». Если злоумышленники питали давние замыслы политического переворота, то «заблудшие» участники заговора и мятежа следовали законному стремлению сохранить верность присяге²⁵. Император объявлял, что своим «первым утешением» считает принадлежащее ему право объявить «заблудших» невинными. Заявлялось, что начавшееся расследование позволит отделить впавших в заблуждение от истинных «злоумышленников», выявит истину и уничтожит подозрения. Правосудие запрещает прощать преступников: будучи «обличенными» следствием и судом, они «восприимут по делам своим заслуженное наказание», «заблудшие» же могут быть прощены²⁶.

«Подробное описание происшествия, случившегося в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 года», датированное 21 декабря (опубликованное за подписью дежурного генерала Главного штаба А.Н. Потапова, но составленное, вероятно, Д.Н. Блудовым), включало в себя официальное сообщение о первом акте прощения: в нем говорилось,

что император в знак милости простил нижних чинов Гвардейского экипажа и Московского полка²⁷. Вместе с тем этот документ отразил ситуацию начала следствия, когда еще не была установлена действительная степень вины арестованных: так, среди «главных зачинщиков» мятежа были названы вскоре освобожденный О.М. Сомов и освобожденный от наказания по итогам следствия П.Ф. Миллер, а среди «состоящих под сильным сомнением» — впоследствии осужденные А.И. Якубович, А.П. Арбузов и некоторые другие.

В опубликованном 5 января 1826 г. прибавлении к «Подробному описанию...» говорилось об учреждении Следственного комитета и, между прочим, сообщалось, что в тайном обществе и заговоре наряду с «главными зачинщиками и заговорщиками» находились «разные лица», в том числе те, кто позволил себя «уловить... в коварные сети», не зная о подлинных целях заговорщиков (политическом перевороте).

Документ содержал официальную оценку уже состоявшихся первых актов прощения подследственных. В частности, в нем перечислены те основания, которые будут способствовать «снятию» вины и прощению: «В числе допрошенных... нашлось несколько невинных, которые ту же минуту освобождены; другие, по молодости и детской неопытности, дозволили уловить себя в сии коварные сети, не зная ни цели, ни гибельных последствий своей неосторожности...»²⁸.

Таким образом, наряду с уже освобожденными «невинными» на снисхождение могли рассчитывать и те, кто позволил «увлечь» себя в заговор, не зная подлинных целей его руководителей. Однако понятие «подлинные цели» заговора не отличалось достаточной ясностью: имелись ли в виду намерения покушений на жизнь императора или речь шла только о планах политических преобразований, изменения государственного правления — не было понятно.

В середине февраля 1826 г. Боровков представил сначала Комитету, а затем императору «очерк» истории тайных обществ, «извлеченный из показаний главнейших членов и добровольных открытий некоторых отклонившихся от общества». «Очерк» развивал уже известную версию: благодаря наличию у тайного общества «внешней» («благовидной») цели оно смогло вовлечь в свои ряды «даже поборников неколебимости престола, отличных поведением и талантами...». В первые годы существования общества лишь ограниченное число его участников узнало «сокровенную цель». На Московском съезде в 1821 г. многие члены, «услышав о сокровенных замыслах

разрушить существующий образ правления, отказались решительно от общества». Участники военных выступлений 1825 г. были также разделены на два разряда: 1) члены тайных обществ, готовившие переворот; 2) «увлеченные мнимым предлогом неправильной присяги»²⁹. Очевидно, для незнакомых с «тайной» целью конспиративного союза, как и для увлеченных в мятеж «предлогом неправильной присяги», можно было ожидать смягчения или даже полной отмены наказания.

Официальная градация усложняла картину, делала заговор сложным соединением разных степеней причастности и осведомленности о цели тайных обществ. Власти важно было показать, что к следствию привлекаются различные категории причастных к делу лиц, что среди тех, кто будет подвергнут ответственности, окажутся как формально состоявшие в политической конспирации, так и не состоявшие в них, но получившие от членов тайных обществ четкое и конкретное представление о планах, сроках и средствах переворота и не сообщившие о них правительству.

Итак, на первом этапе процесса власть стремилась показать, что к следствию привлечены разные категории причастных, степень вины каждой будет в полной мере выявлена и принята во внимание. Следствие представлялось таким образом необходимым именно с этой точки зрения; власть же получала в общественном мнении благоприятный для себя ореол справедливого судьи, который первоначально собирает объективные данные, отбрасывая пристрастие и прощая малозамешанных и «заблудших», выносит решения исключительно на основе имевших место фактов, наказывая действительных преступников.

Водораздел между теми, кого ждет наказание, и теми, кто вправе рассчитывать на снисхождение, проходил по вопросу об осведомленности о политических намерениях заговорщиков. Опубликованный в общее сведение официальный документ содержал фразу: «Нашлись и такие, которые хотя не принадлежали к сей злодейской шайке, но знали, не открыли их преступных умыслов и тем сделались сами причастными их преступлению»³⁰. Это сообщение напугало многих. Из него вытекало, что даже известность и недонесение о цели и, может быть, только о существовании тайных обществ официально объявлялось преступлением, подлежащим преследованию³¹. Если человек не принадлежал к тайному обществу, но знал о каких-либо обстоятель-

ствах, принимал участие в политических разговорах, в особенности с привлеченными к следствию лицами, то он мог ожидать наказания как «замешанный» в дело, причастный к нему. Таким широким «подходом» к определению виновности отличается только этот документ. Представляется, что его авторы, говоря о привлечении к ответственности, не имели в виду тех, кто только слышал о тайном обществе «по слухам», не будучи причастен к его деятельности, а подразумевали лиц, в разной степени причастных к организационной структуре конспиративных обществ, но формально не состоявших в них.

Основной задачей опубликованных официальных документов, без сомнения, являлось формирование образа справедливого, обоснованного и беспристрастного расследования. Целью подобного освещения следственного процесса и введения указанной градации привлеченных к нему лиц являлось не в последнюю очередь формирование в русском обществе представления о том, что следствие не стремится вовлечь в дело невинных и «малозамешанных», которых освобождают, по-отечески прощая их «кратковременное заблуждение». Тем самым предупреждался возможный общественный протест или его подобие³². При этом решались две основные задачи: предупредить малейшее сомнение в обоснованности ведения следственных розысканий, а кроме того, подготовить почву для формирования в общественном мнении убеждения в том, что лица, оставшиеся не выпущенными, действительно виновны. Власти требовалось представить себя справедливым арбитром, который на основе получаемой информации объективно решает участь и действительно виновных, и «заблудших». Наконец, немаловажное значение имела задача поддержания авторитета самодержца как справедливого вершителя судьбы своих подданных, прощающего их вину — в тех случаях, когда это возможно.

Окончательное оформление позиция власти в вопросе о пределах помилования получила в следующем официальном документе: 29 января было опубликовано развернутое сообщение о работе Следственного комитета³³. В нем подробно освещалась раскрытая следствием история тайных обществ. Официальная версия гласила, что немногочисленные тайные общества были ослаблены постоянными внутренними спорами, разномыслием и тщетностью усилий по введению единой цели. В документе впервые проводилось четкое разграничение — тайное общество имело двоякую цель: «явную» (т. е. открытую, не скрываемую) — благотворение, просвещение, улучшение нравов,

и скрытую, «настоящую» (т. е. подлинную), известную не всем его участникам — «изменение государственных установлений». Особенно выражено это разделение проявилось в 1818–1821 гг., после образования Союза благоденствия. Однако и в этот период «начальники» общества стремились умножить число своих сторонников, постепенно открывая им подлинные тайные планы. Роспуск Союза в 1821 г. стал началом нового общества, основанного с особой предосторожностью и с четко установленной целью. Оно преследовало теперь только политическую цель — «испровержение существующего порядка посредством вооруженной силы». Однако разграничение двух целей для участников этого нового общества фактически продолжало существовать: не все члены знали о политической цели, а во время мятежа «даже некоторые из офицеров» были «не обольщены, а обмануты, веря, что их ведут исполнять долг...»³⁴.

«Правительство... с радостью удостоверилось, что число [действительно виновных] заговорщиков... весьма невелико», — особенно тех, кто был «настоящим злодеем на деле или в намерении...». Теперь правосудие должно установить различные «степени преступления», подлинную меру участия в преступлении каждого из подсудимых. В документе утверждалось, что «...правительство отличит с надлежащею точностию... разные степени преступления допрашиваемых...»³⁵. Таким образом, на официальном уровне декларировались разные степени виновности привлеченных к следствию. Основное различие проходило по принципу участия в планах покушений на особу императора, политического переворота и в событиях мятежа. Те, кто отошел от тайных обществ до их превращения в «злоумышленный» заговор, а также те, кто не знал «настоящей» цели этого заговора и ни в чем больше не обвинялся, могли рассматриваться как вовлеченные в «дело», заслуживающие освобождения от наказания.

В документе перечислялись главные степени виновности: «Первые, виновнейшие, были основателями или начальниками сих тайных обществ». По терминологии автора документа, «главные преступники» уже уличены: это покушавшиеся на цареубийство, возбудители мятежей и их активные участники, применившие оружие. Все они до сих пор не преданы суду, потому что могут быть еще нужны для очных ставок с сообщниками. За ними следовали «те, кои зная все, от прочих скрываемые, ужасные замыслы, участвовали в сих злодейственных намерениях. Другие должныствовали только служить орудием для

Научное издание

Ильин Павел Владимирович

Новое о декабристах.

Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг.

*Под редакцией доктора исторических наук,
профессора А.В. Гоголевского*

Редактор издательства *И.Ю. Сумерина*
Оригинал-макет *А.И. Азаров*
Переплет *А.С. Ратманов*

Подписано в печать 26.10.2004. Формат 60×84 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Newton.
Усл. п. л. 41,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 51.

Издательство Санкт-Петербургского института истории
«Нестор-История»

197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7